

тора, но и готовность его к смерти (подобно Шабельскому из «Иванова», он, Чебутыкин, тоже «околеванца ждет»).

В странной и обыкновенной жизни, в которой смыкаются, путаются и существуют взлет «высокое» с «низким», так обостренно слышится «все равно», роднящее военных со штатскими, Александра Македонского с членом земской управы или мещанку Наташу с леди Макбет. Трагическая поступь времени предначертана уже в светлом празднике именин Ирины, ставшем одновременно и годовщиной смерти отца. Реальность прошлого и ностальгия по будущему совпали в фокусе оптической иллюзии — настоящего, когда может показаться, «что мы не существуем».

Отсюда постоянное наложение и сбой душевных порывов, надежда на отклик, внутренняя способность и готовность к переменам, что словами так просто и одновременно невозможно выразить. Ход жизни переживается как бремя, как усталость и скука. Но поверх всего — готовность к счастью, любви, труду, которую ощущают все.

Вершинин говорит о поколениях, когда таких, как сестры, будет все больше. Так осуществляется связь прошлого с будущим через страдания настоящего. Мотив памяти, забвения или долгого дыхания важен для чеховских персонажей. Оставить о себе напоминание, поведать о своих переживаниях стремятся герои — заложники будущего.

Во время пожара горит у Федотика фотография, записная книжка, все письма. Вещи «на память» исчезают, уходят из жизни. Но все почему-то смеются, не верят в нависшую угрозу, охвачены настроением, в котором, по словам Немировича-Данченко, «отражается, быть может, даже все миропонимание Чехова, это настроение, с каким он как бы оглядывается на свой личный, пройденный путь жизни, на радости весны и постоянные крушения иллюзий и все-таки на какую-то непоколебимую веру в лучшее будущее...» [10, с. 247].

Трагическая безысходность героев обретает в пьесе и внеличный характер. Их трагедия разворачивается внутри громадного пустого пространства, которое, как заметил Вершинин, «пока еще нечем заполнить».

Не оттого ли персонажи все время что-то записывают, пишут или хотели бы написать. Чебутыкин заносит в книжечку рецепты, место венчания Балзак, Кулыгин дает список всех кончивших гимназию за 50 лет, Федотик дарит Ирине цветные карандаши. «Пойдемте в залу», — говорит Вершинин Маше после объяснения. И тут же комментарий Соленого: «Хорошо-с, так и запишем. Мысль эту можно б более пояснить, но боюсь, как бы гусей не раздражить...» Перед смертью Тузенбах говорит Ирине про бумаги, которые лежат у него на столе. Председатель управы присылает Андрею книгу. Когда в первом акте после прихода Вершинина Маша решила остаться, Ирина замечает: «Право, все это следовало бы записать». Андрей хочет перевести книгу с английского. Впечатление, что общее беспамятство (Ирина не помнит, как по-итальянски «окно», Чебутыкин — любима ли его мать сестер) герои хотят приостановить, что-то волнующее или вовсе неважное записать, зафиксировать. Тем самым и оставить после себя, когда «забудут наши лица, голоса и сколько нас было».

«О, не будем говорить об этом!» — вырвется у Тузенбаха перед дуэлью как бы в подтверждение его же мысли о жизни, следующей «своим законам». «Так и запишем» — формула, в которой запечатлевается суждение о непрерывности жизни отдельного человека, ушедшего поколения. Диалог «литературы» и жизни, таким образом, ведется и внутри самой пьесы, где действенность слова обесмысливается поступком, а невозможность реальных жизненных перемен остается в «Слове о жизни» семьи Прозоровых.

Так, частный лейтмотив пьесы оказывается способным высветить многие из основных принципов драматургической поэтики Чехова: широту и неразрешимость конфликта, историческую точность коллизий, многоаспектное изображение времени — эпохи, России, всей человеческой жиз-